

ŚWIATOWIT

ROCZNIK

POŚWIĘCONY ARCHEOLOGII PRZEDDZIEJOWEJ

I BADANIOM

pierwotnej kultury polskiej i słowiańskiej

WYDAWANY STARANIEM

ERAZMA MAJEWSKIEGO.

Tom I. — 1899.

(57 ilustracji w tekście i XI tablic).

WARSZAWA.

Skład Główny w Księgarni E. Wendego i S-ki, Krak.-Przedmieście № 9.

—
1899.

ŚWIATOWIT

ANNUAL OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
OF THE UNIVERSITY OF WARSAW

VOL. XI–XII (LII–LIII)
(2013–2014)

FASCICLE B

PREHISTORICAL AND MEDIEVAL
ARCHAEOLOGY.
ARCHAEOLOGY OF POLAND

WARSAW 2018

ŚWIATOWIT

ROCZNIK INSTYTUTU ARCHEOLOGII
UNIwersYTETU WARSZAWSKIEGO

TOM XI-XII (LII-LIII)

(2013-2014)

FASCYKUŁ B

ARCHEOLOGIA PRADZIEJOWA
I ŚREDNIOWIECZNA.
ARCHEOLOGIA POLSKI

WARSZAWA 2018

Redaktor naczelny Wydawnictw Instytutu Archeologii UW:
Krzysztof Jakubiak

ŚWIATOWIT
ROCZNIK INSTYTUTU ARCHEOLOGII UNIwersYTETU WARSZAWSKIEGO

Redaktor: Franciszek M. Stępnowski (f.stepniowski@uw.edu.pl)
Sekretarz redakcji: Andrzej Maciałowicz (amacialowicz@uw.edu.pl)
Współpraca redakcyjna: Ludwika Jończyk

Rada redakcyjna:

Włodzimierz Godlewski (Przewodniczący)
Elżbieta Jastrzębowska
Joanna Kalaga
Wojciech Nowakowski
Tadeusz Sarnowski
Tomasz Scholl
Karol Szymczak

All rights reserved
© 2018 Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego

ISSN 0082-044X

Projekt okładki, opracowanie graficzne i skład: Jan Żabko-Potopowicz
Druk: Totem.com.pl, ul. Jacewska 89, 88-100 Inowrocław

Adres redakcji: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego,
Krakowskie Przedmieście 26/28, 00-927 Warszawa

Contents

Spis treści

Fascykuł B

ARCHEOLOGIA PRADZIEJOWA I ŚREDNIOWIECZNA. ARCHEOLOGIA POLSKI

Fascicle B

PREHISTORICAL AND MEDIEVAL ARCHAEOLOGY. ARCHAEOLOGY OF POLAND

Studia i materiały

Jacek Lech

- Z DZIEJÓW BADAŃ NEOLITU W POLSCE:
ANNA KULCZYCKA-LECIEJEWICZOWA (1934–2011) 9
- Anna Kulczycka-Leciejewiczowa (1934–2011):
From the History of Studies on the Neolithic in Poland 51

Marta Osypińska, Joanna Piątkowska-Małecka

- HODOWLA I ŁOWIECTWO WŚRÓD SPOŁECZNOŚCI
ZAMIESZKUJĄCYCH WIELOKULTUROWĄ OSADĘ W BODZI (ST. 1)..... 55
- Breeding and Hunting among the Communities Inhabiting
the Multicultural Settlement at Bodzia (Site 1)..... 85

Agnieszka Jarzec

- MATERIAŁY KULTURY ŁUŻYCKIEJ ZE STANOWISKA 4
W MAGNUSZEWIE MAŁYM, POW. MAKOWSKI 87
- Archaeological Relics of the Lusatian Culture from Site 4
in Magnuszew Mały, the Maków District 114

Przemysław Dulęba

- O POŻYTKU Z KWERENDY ARCHIWALNEJ. PRZYKŁAD ODKRYĆ
ZWIĄZANYCH Z KULTURĄ LATEŃSKĄ Z OBSZARU GÓRNEGO ŚLĄSKA 117
- On the Benefits of Archival Research. An Example of Discoveries
Related to the La Tène Culture from Upper Silesia 135

Ростислав Терпиловский, Геннадий Жаров

ДРУЖИННЫЙ МОГИЛЬНИК ПОЗДНЕГО ПРЕДРИМСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕЙМЕ.....	137
WARRIOR CEMETERY FROM THE LATE PRE-ROMAN PERIOD ON THE RIVER SEYM	150
Cmentarzysko wojowników z młodszego okresu przedrzymskiego nad rzeką Sejm.....	155

Iwona Kowalczyk-Mizerakowska

BOGATY GRÓB WOJOWNIKA Z SANDOMIERZA-KRAKÓWKI W KONTEKŚCIE ŚWIĘTOKRZYSKIEGO CENTRUM HUTNICZEGO	157
Rich Warrior's Grave from Sandomierz-Krakówka Considered in the Context of the Świętokrzyskie Metallurgic Centre	171

Agata Chilińska-Früboes

PRZEDWOJENNE ZNALEZISKA RZYMSKICH ZAPINEK KABŁĄKOWYCH DATOWANYCH NA WCZESNY OKRES WPŁYWÓW RZYMSKICH Z OBSZARU KULTURY DOLLKEIM-KOVROVO	173
Pre-war Finds of Imported Roman Bow Brooches Dated to the Early Roman Period Found at the Area of the Dollkeim-Kovrovo Culture	202

Joanna Piątkowska-Małecka, Teresa Tomek

SSAKI I PTAKI W GOSPODARCE LUDNOŚCI ZAMIESZKUJĄCEJ WCZESNOŚREDNIOWIECZNY ZESPÓŁ OSADNICZY W KULCZYNI-KOLONII (ST. 8), POW. WŁODAWSKI	205
Mammals and Birds in the Economy of the Inhabitants of the Early Medieval Settlement Complex in Kulczyn-Kolonia (Site 8), the Włodawa District	221

Róża Paszkowska

WSTĘPNE WYNIKI ANALIZY ARCHEOZOOLOGICZNEJ ZABYTKÓW Z KOŚCI I POROŻA Z WCZESNOŚREDNIOWIECZNEGO RADOMIA, STANOWISKA 1 I 2	223
Preliminary Results of an Archaeozoological Analysis of Artefacts Made of Bone and Antlers from Early Medieval Radom, Sites 1 and 2.....	241

Jerzy Sikora, Piotr Kittel, Piotr Wroniecki

W POSZUKIWANIU MILENIJNEGO MIRAŻU. NOWE BADANIA GRODZISKA W ROZPRZY (POW. PIOTRKOWSKI, WOJ. ŁÓDZKIE)	243
In Search of a Millennial Mirage. New Investigation of the Stronghold in Rozprza (Piotrków District, Łódzkie Voivodeship)	269

Sławomir Wadył

WCZESNOŚREDNIOWIECZNE KLAMRY HACZYKOWATE Z ZIEM PRUSKICH. KLAMRY DO PASA, BŁYSTKI CZY ZAPINKI?.....	271
Belt Buckles, Fishing Lures, or Brooches? Early Medieval Hook Buckles from Prussia	284

Andrzej Buko

- NAJSTARSZA FAZA REZYDENCJI DANIELA ROMANOWICZA
NA GÓRZE KATEDRALNEJ W CHEŁMIE: PYTANIA I HIPOTEZY 285
- The Oldest Phase of the Daniel Romanovich's Residence
on the Cathedral Hill in Chełm: Questions and Hypotheses 301

Dominik Chudzik

- MUROWANA ARCHITEKTURA SAKRALNA ZIEMI HALICKIEJ
OD XIII DO POCZĄTKU XIV WIEKU 303
- Brick-Built Sacred Architecture in the Halych Land since the 13th until the Early 14th Century 325

Anna Kubica-Grygiel

- PÓŹNOŚREDNIOWIECZNE SZCZĄTKI LUDZKIE ODKRYTE
W OBRĘBIE KOŚCIOŁA I KLASZTORU OO. DOMINIKANÓW W KRAKOWIE..... 327
- Late Medieval Human Remains Discovered
within the Dominican Church and Monastery in Kraków..... 337

Wydarzenia

Monika Rekowska

- UROCZYSTOŚĆ W KOZIENICACH KU CZCI PROFESORA TOMASZA MIKOCKIEGO 341

Kronika wykopalisk

Paweł Szymański

- CZERWONY DWÓR, ST. XXI, WOJ. WARMIŃSKO-MAZURSKIE.
BADANIA W LATACH 2013–2014 349
- Czerwony Dwór, Site XXI, the Warmińsko-Mazurskie Voivodeship. Excavations in 2013–2014 357

Artur Brzóska, Magdalena Nowakowska

- W POSZUKIWANIU ŚLADÓW WALK PARTYZANCKICH POWOJENNEGO PODZIEMIA
NIEPODLEGŁOŚCIOWEGO („ŻOŁNIERZY WYKLĘTYCH”). BADANIA PODWODNE
JEZIORA BROŻANE NA TERENIE PUSZCZY AUGUSTOWSKIEJ W 2013 ROKU 359
- Searching for Traces of Guerrilla Warfare of the Post-War Anti-Communist Underground (‘Cursed Soldiers’).
Underwater Exploration of the Brożane Lake in the Augustów Primeval Forest in 2013..... 361

Adam Cieśliński, Andrzej Kasprzak, Zbigniew Stasiak

- NOWY ŁOWICZ, ST. 2, WOJ. ZACHODNIOPOMORSKIE. BADANIA W LATACH 2013–2014 365
- Nowy Łowicz, Fst. 2, Woiwodschaft Westpommern. Ausgrabungen 2013–2014 371

Władysław Roszyk

PETRYKOZY, ST. 3, WOJ. MAZOWIECKIE. BADANIA W ROKU 2014.....	375
Petrykozy, Site 3, the Mazowieckie Voivodeship. Excavations in 2014	379

Karolina Blusiewicz

PUCK (DZIAŁKA NR 148/1), WOJ. POMORSKIE. BADANIA W ROKU 2014	381
Puck (Plot no. 148/1), the Pomorskie Voivodeship. Excavations in 2014	386

Michał Starski

PUCK, STARY RYNEK 13 I 14, WOJ. POMORSKIE. BADANIA W LATACH 2013–2014	389
Puck, 13 and 14 Stary Rynek Street, the Pomorskie Voivodeship. Excavations in 2013–2014	395

РОСТИСЛАВ ТЕРПИЛОВСКИЙ, ГЕННАДИЙ ЖАРОВ

ДРУЖИННЫЙ МОГИЛЬНИК ПОЗДНЕГО ПРЕДРИМСКОГО ВРЕМЕНИ НА СЕЙМЕ

Keywords: warrior cemetery, sites of the Khar'yevka type, Zarubintsy Culture, Przeworsk Culture, late La Tène / Pre-Roman Period

Введение

В конце 2009 г. А. Лебедем между селами Мутин и Каминь Кролевецкого района Сумской области (Рис. 1) было найдено кремационное погребение, вещи из которого были ним переданы в Кролевецкий краеведческий музей. Эти материалы были обработаны и опубликованы в ряде статей (ТЕРПИЛОВСКИЙ, БИЛИНСКАЯ 2010; ŁUCZKIEWICZ, TERPILOVSKIJ 2012).

Весной 2010 г. с помощью А. Лебедея и директора музея А.В. Карася место находки было обследовано Левобережной экспедицией Института археологии НАН Украины (начальник Г.В. Жаров, научный руководитель Р.В. Терпиловский). Как оказалось, выявленное погребение принадлежало компактному могильнику, расположенному на краю поросшего деревьями правого берега р. Сейм. Коренной берег здесь образует ряд мысов, расчлененных глубокими оврагами. На одном из мысов обнаружено небольшое городище, отделенное с напольной стороны высоким крутым валом. В шурфах на площадке городища встречены находки скифского периода и роменской культуры. Ниже городища, в верхней части крутого склона, на высоте около 20 м над поймой преимущественно в пределах небольшой площадки расположен могильник (Рис. 2).

Кроме упомянутого выше погребения 1 (2009 г.) на площади около 360 кв. м обнаружено еще 13 захоронений с трупосожжением (в том числе одно парное и одно разрушенное). Таким образом, в целом могильник состоял из 15 погребений. Не исключено, что какая-то часть захоронений могла быть разрушена при посадке деревьев около полувека тому назад. Впрочем, вне комплексов индивидуальные находки практически отсутствовали, что говорит о том, что число разрушенных погребений вряд ли превышало одно-два (ТЕРПИЛОВСКИЙ, ЗНАРОВ 2013; ТЕРПИЛОВСКИЙ, ЖАРОВ 2014а; 2014б).

Рис. 1. Локализация Мутина (карта: d-maps.com).

Fig. 1. Localisation of Mutin.

Rys. 1. Lokalizacja Mutina.

Скорее всего, Мутинский могильник принадлежит особой культурной группе – «памятникам типа Харьевка¹», выделенной А.М. Обломским и Р.В. Терпиловским в начале 1990-х гг. в среднем течении Сейма. Раскопки, проведенные на поселениях Красное 4, Чаплищи 3, Пересыпки 1 и Литвиновичи 3, позволили выяснить, что на фоне зарубинецкой культуры они выглядят весьма своеобразно. Будучи самыми восточными из ее локальных вариантов, памятники типа Харьевка вместе с тем отличаются наиболее многочисленными и выразительными западными элементами. Так, керамический комплекс по происхождению можно разделить на две основные группы. Часть форм кухонных и столовых сосудов характерна для зарубинецкой культуры, прежде всего для ее среднеднепровского варианта. Однако особый интерес представляет посуда второй группы, связанная по происхождению с центрально-европейским культурным кругом, в первую очередь с пшеворской и ясторфской культурами (ОБЛОМСКИЙ, ТЕРПИЛОВСКИЙ 1994а: 159–162, рис. 1–9; 1994б).

¹ Укр. *Харівка*, Путивльський район.

Рис. 2. Мутин. Начало раскопок в апреле 2010 г. (фото А.В. Карась).

Fig. 2. Mutin. Excavation begins, April 2010.

Ryc. 2. Mutin. Rozpoczęcie prac wykopaliskowych w kwietniu 2010 r.

Отметим, что погребальные памятники данной группы до последнего времени не были известны, за исключением погребения у с. Пересыпки, случайно обнаруженного на правом берегу Сейма недалеко от Путивля еще в 1936 г. и опубликованного Ю.В. Кухаренко (1970). Комплекс включал небольшой вазообразный горшок-урну с кальцинированными костями, пряжку и нож. Исследователь в качестве аналогий урне привел ряд находок среди таких культур позднелатенского времени как оксывская, ясторфская и пшеворская, допуская, что подобные по форме сосуды встречаются и позднее. В конечном итоге, пытаясь сузить круг поисков, Ю.В. Кухаренко определил комплекс как памятник типа Брест-Тришин и датировал концом I–II в. н.э. (КУХАРЕНКО 1970: 34). С ним согласился М.Б. Щукин, который отнес трупосожжение из Пересыпок к вельбарской культуре периода B_2/C_{1a} (SZCZUKIN 1981: 136), придерживаясь этой точки зрения и в дальнейшем (ЩУКИН 1994: 247; 2005: 105–106). Его поддержала и К.В. Каспарова, приведя ряд аналогий форме и системе орнамента горшка из Пересыпок, не вполне, правда, близких (КАСПАРОВА 1989: 278–280). Впрочем, после проведения исследований на вышеуказанных поселениях типа Харьевка стало очевидным, что погреб-

ение из Пересыпок принадлежит именно к этой группе (ОБЛОМСКИЙ, ТЕРПИЛОВСКИЙ 1994б: 49). Новым подтверждением этой мысли стала находка урны погребения 1 (2009 г.), аналогичной сосуду из Пересыпок по форме и орнаментации (ТЕРПИЛОВСКИЙ, БИЛИНСКАЯ 2010: 51–53).

Мутинский могильник в ряде отношений уникален не только для Восточной, но и Центральной Европы. Все захоронения, урновые кремации, очевидно, принадлежали воинам-профессионалам высокого ранга.

Оружие

Особый интерес представляет парное погребение 8 «братьев по оружию», содержавшее два скопления пережженных костей (Рис. 3, 4, 6:3). Оно состояло из поставленных рядом керамической урны и бронзового ведерка, накрытых двумя умбонами. Погребение 8А сопровождалось двумя наконечниками копий, обоюдоострым и однолезвийным мечами, шлемом, боевым ножом, парой шпор и двумя фибулами. В погребении 8Б (в ситутле) находились части ножен однолезвийного меча, нож, пара шпор и три фибулы.

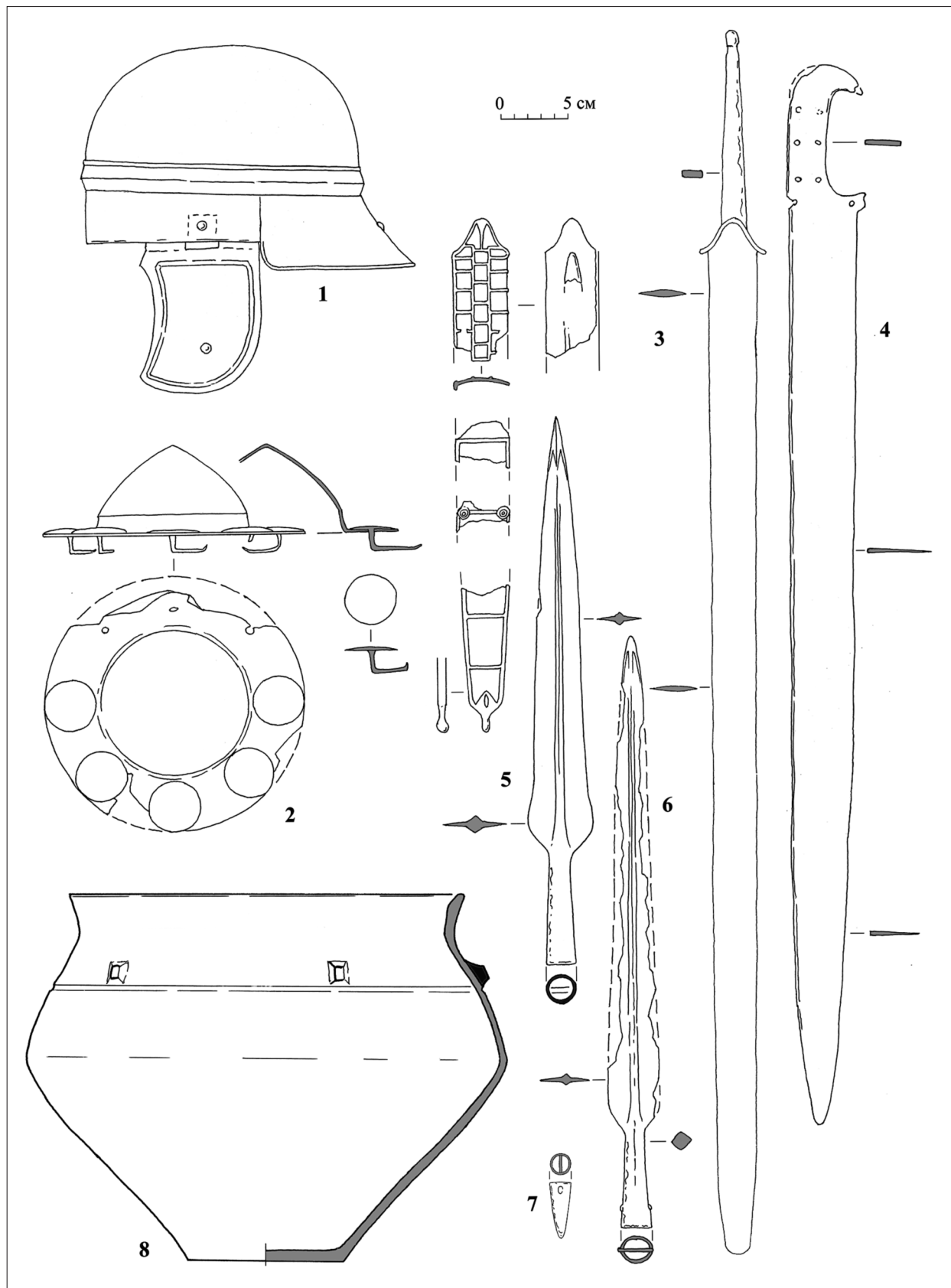

Рис. 3. Мутин. Погребение 8А. Инвентарь: 1–7 – железо, 8 – чернолощеный керамический сосуд (рис. Р.В. Терпиловский).

Fig. 3. Mutin. Burial no. 8A. Grave goods: 1–7 – iron, 8 – black-burnished ceramic vessel.

Ryc. 3. Mutin. Grób 8A. Inwentarz: 1–7 – żelazo, 8 – naczynie ceramiczne o czernionej, polerowanej powierzchni.

В целом, каждое погребение сопровождалось представительным набором оружия, включавшим, как правило, согнутые меч и наконечник копья, а также умбон (или его часть). Как указано выше, в небольшой урне погребения 8Б меч и копье отсутствовали; зато в соседнем погребении 8А найдено по два меча и копья. По два меча и наконечника копий содержало также погребение 7. В погребениях 4 и 13 обнаружено по четыре наконечника копий различных типов.

Практически все категории оружия находят более или менее близкие аналогии среди материалов богатых оружием пшеворской и оксывской культур, проанализированных в обобщающих монографиях польских исследователей (ВОСНАК 2005; ŁUCZKIEWICZ 2006). Часть вещей подобна ряду находок из более отдаленных земель – Западной Европы, Скандинавии и Подунавья.

В погребениях Мутина встречен 21 наконечник. Кроме двух небольших изделий, все копья были согнуты пополам. Основная масса наконечников характеризуется сравнительно длинным узким пером с максимальным расширением в нижней части, более или менее выраженным продольным ребром жесткости и короткой втулкой (Рис. 3:5,6). Общая длина в пределах 41,5–57,5 см. В основном они относятся к типам F и L по П. Лучкевичу (ŁUCZKIEWICZ 2006: 113–118, 121–126, рис. 36, 37, 41, 42) или к типам 3 и 6–7 по Т. Бохнаку (ВОСНАК 2005: 76–77, табл. XXII, XXIII, XXV). Единичными экземплярами представлены небольшие наконечники длиной 18–20 см, в том числе с «ушами» в нижней части пера (погребение 10) и двушипные копья с длинной втулкой (погребение 4 и, возможно, 13). Асимметричное лезвие копья из погребения 3 (Рис. 5:2) покрыто орнаментом из вытравленных шестиугольников.

Все мечи деформированы, в основном свернуты несколько раз «пакетом» вместе с ножнами (Рис. 5:2, 7:3). Единственный однолезвийный меч из погребения 8А имел длину 82,5 см при ширине клинка 5,2 см в верхней части, а также рукоять с отверстиями для крепления с помощью заклепок боковых накладок (Рис. 3:4). Его ножны, судя по сохранившимся железным деталям, состояли из двух деревянных пластин, соединенных поперечными С-образными скрепами, в том числе с колечками для подвешивания, и уплощенным окончанием (Рис. 3:18–20). Форма рукояти позволяет соотнести данное изделие с однолезвийными мечами оксывской и пшеворской культур типа W.IIIВ (ŁUCZ-

KIEWICZ 2006: 71–74, рис. 21) или типа F (ВОСНАК 2005: 65, табл. XIX).

Остальные мечи (14 экземпляров) – обоюдоострые длинные латенского типа: со скошенными плечиками, слегка суженным и закругленным концом, несколько отличающиеся размерами, пропорциями и сечением клинка (Рис. 3:3). В основном они относятся к типу III4 и, возможно, III5 по П. Лучкевичу (ŁUCZKIEWICZ 2006: 39–41, рис. 8, 9) или к типам 2–5 по Т. Бохнаку (ВОСНАК 2005: 25, табл. II–V). Общая длина 90,5–100,5 см при длине рукояти 15–21,5 см, ширина клинка в верхней части 3,4–6 см. В большинстве случаев сохранились шаровидные окончания рукоятей, колоколовидные (луковидные) гарды и фрагменты ножен в виде тонкой железной бляхи, петель, ажурных оковок и окончаний. Крайне интересной является находка нескольких ножен украшенных в стиле имитирующей ажурную технику *opus interrabile*. Верхние части ножен из погребения 3 орнаментированы в виде «пчелиных сот», а из погребения 8А – «решеток» (Рис. 3:3). В целом ножны мечей из Мутина принадлежат к типам 5, 6 П. Лучкевича (ŁUCZKIEWICZ 2006: 62–65, рис. 17) или к типам VII и VIII по типологии Т. Бохнака (ВОСНАК 2005: 40, табл. XIV).

Умбоны или их части присутствовали в каждом погребении. Обычно они располагались в верхней части урны, куполом вверх (Рис. 5:2,3, 6:3). Некоторые изделия сильно деформированы и плохо сохранились. Очевидно, по принципу *pars pro toto* в погребения 10–12 было положено только по несколько блях-заклепок, а в погребение 9 кроме того – фрагмент обода. Форма купола в основном близка к цилиндро-конической, иногда с выделенным острием (Рис. 3:2, 4:7). Купола умбонов из погребений 1 и 3 заканчиваются короткими шипами (Рис. 5:2). Как правило, умбон крепился к щиту крупными (диаметром до 6 см) шестью, реже – восемью заклепками. Количество более мелких блях (диаметром около 2 см) достигало 12-ти. В погребении 3 кроме умбона с шипом и 12-ю заклепками найдена ручка щита с фигурными окончаниями. Основную массу умбонов из Мутина можно отнести к типам 7, 10 и 11 классификации пшеворских умбонов Т. Бохнака (ВОСНАК 2005: 107–108, рис. 35, табл. XXXIV–XXXVI). Вместе с тем, по мнению Т. Бохнака (устная информация), часть умбонов находит параллели среди материалов Норвегии².

В большинстве случаев комплекс воинского снаряжения дополнялся шпорами и ножами. Однотипные

² Пользуясь случаем, приношу искреннюю благодарность К. Чарнецкой (Варшава), Т. Бохнаку (Жешув), П. Лучкевичу (Люблин) за помощь в подборке аналогий.

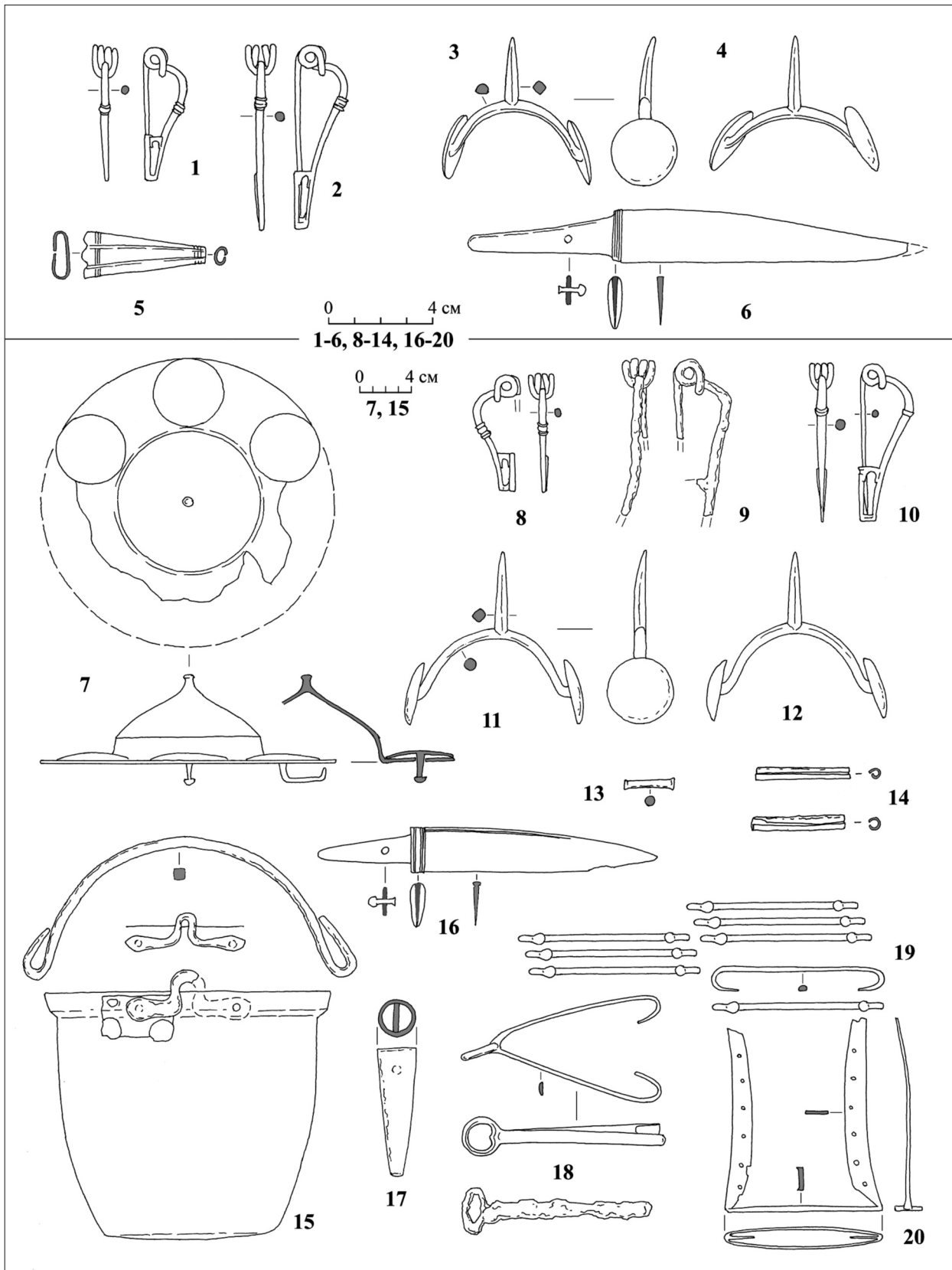

Рис. 4. Мутин. Погребения 8А (1-6) и 8Б (7-20). Инвентарь: 1-14, 16-20 – железо; 15 – бронзовая ситула с железной ручкой и петлями (рис. Р.В. Терпиловский).

Fig. 4. Mutin. Burials nos. 8A (1-6) and 8B (7-20). Grave goods: 1-14, 16-20 – iron; 15 – bronze situla with iron handle and loops.

Рис. 4. Мутин. Гробы 8А (1-6) и 8Б (7-20). Инвентарь: 1-14, 16-20 – żelazo; 15 – brązowa situla z żelaznymi ataszami i pałąkiem.

шпоры (18 экземпляров) с длинным шипом и крупными выпуклыми шляпками на концах дужки принадлежат к подгруппе А по Е. Гинальскому (GINALSKI 1991: 55–56). В большинстве случаев они были парными (Рис. 4:3,4,11,12). Боевые ножи длиной до 17 см, как правило, имели узкие выемки вдоль спинки с обеих сторон лезвия, заклепку и профилированную муфту для крепления деревянной рукояти (Рис. 4:6,16). К ножам для них принадлежали фигурные наконечники из тонкой железной бляхи, встреченные в погребениях 4, 5, 8А, 12 (Рис. 4:5). Три более крупных наконечника

ножен кинжалов или копий происходят из погребения 13. Прочий железный инвентарь представлен многочисленными втоками копий, частями поясов или портупей (кольцами и застежками), фибулами позднелатенской схемы. Исключения составляют бронзовые кольцо и застежка, а также две железных бритвы с изогнутым лезвием (погребения 2 и 6) и фибула среднелатенской схемы из погребения 7.

Уникальными не только для Восточной, но и для Центральной Европы, являются находки в погребениях 4, 5, 8А, 12 и 13 железных шлемов. В погребениях

Рис. 5. Мутин. 1 – погребение 2; 2 – погребение 3; 3 – погребение 4; 4 – погребения 5 и 6 (фото Г.В. Жаров).

Fig. 5. Mutin. 1 – burial no. 2; 2 – burial no. 3; 3 – burial no. 4; 4 – burials nos. 5 and 6.

Рис. 5. Мутин. 1 – гроб 2; 2 – гроб 3; 3 – гроб 4; 4 – гробы 5 и 6.

Рис. 6. Мутин. 1 – погребение 7; 2 – погребение 9; 3 – погребение 8; 4 – часть погребения 8А (фото Г.В. Жаров).

Fig. 6. Mutin. 1 – burial no. 7; 2 – burial no. 9; 3 – burial no. 8; 4 – part of burial no. 8A.

Ryc. 6. Mutin. 1 – grób 7; 2 – grób 9; 3 – grób 8; 4 – część grobu 8A.

8А и 12 они использованы как урны, вставленные в керамические сосуды (Рис. 3:1, 6:4, 7:3). В целом шлемы относятся к позднему восточнокаельтскому типу, так называемому Ново-Место, распространённому, прежде всего, в Подунавье (MIHALJEVIĆ, DIZDAR 2007: 123–128), хотя и отличаются рядом деталей. В этой связи необходимо также вспомнить единственный найденный на территории Польши латенский шлем из погребения 25 могильника Семехув (JAŹDZEWSKA 1994: 108–110). Каждый из шлемов изготовлен из трех основных элементов: полусферического купола, передней части (с козырьком или без) и назатыльника, а также снабжен нащечниками, прикрепленными петлями к передней части. С внутренней стороны нащечников и назатыльника находились петли, сквозь которые продевался подбородочный ремень. Нащечники и назатыльники шлемов из погребений 12 и 13 декорированы выпуклыми орнаментальными композициями.

Металлические сосуды

Престижный характер совершенных захоронений подчеркивался разнообразными сосудами, служившими урнами. В погребениях 9, 12 и 14 остатки кремации находились в чернолощеных керамических сосудах, подобных находкам из памятников типа Харьевка (Рис. 3:8, 6:2–4, 7:3). В погребениях 1 и 4 в керамические вазы были дополнительно помещены металлические сосуды. Последние служили урнами в 11-ти погребениях: в этом качестве выступали восемь ситул различных размеров и форм (погребения 1, 2, 4, 5, 8Б, 10, 11, 13), а также два низких таза (погребения 3 и 6) и биметаллический котел (погребение 7) (Рис. 5–8).

Отсутствие прямых соответствий указанным сосудам на территории Восточной Европы заставляет в поисках аналогий обратиться к классической работе Г.Ю. Эггерса, рассматривавшего позднелатенские

и римские импорты на землях *Germania Libera* (EGGERS 1951). Действительно, большинство изделий находит там вполне определенные аналогии. Можно предположить, что набор металлической посуды из Мутина по происхождению делится на две группы. Кельтскими ремесленниками, очевидно, сделаны большинство ситул с железными петлями и дужками, а также котел с железной верхней частью и двумя кольцевидными ручками. Из римских мастерских, вероятно, вышли две изящных ситулы с бронзовыми аташами и дужками, а также тазы с выпуклым дном (ТЕРПИЛОВСКИЙ, ЖАРОВ 2013).

К первой группе можно отнести четыре ситулы различных размеров из погребений 1, 4, 5, 13, принадлежащие к типу E.22 (EGGERS 1951: 161, табл. 4: 22). Все они отличаются сравнительно грубым изготовлением, ребристым корпусом, железными дужкой и петлями (Рис. 5:4, 7:1,4, 8:1–3). Среди них несколько особняком стоит деформированная ситула из погребения 4, в которой отверстия под заклепки для крепления петель расположены не горизонтально, как обычно, а вертикально. Еще два ведерка «варварской» работы из погребений 8Б и 10 не находят близких аналогий в указанном каталоге (Рис. 4:15, 7:1, 8:6). Часть этих сосудов, очевидно, использовалась довольно долго и интенсивно, о чем свидетельствуют следы починки на сосудах из погребений 1, 4, 5, 8Б и 10 (Рис. 4:15, 8:6).

К этой же группе можно отнести и биметаллический котел типа E.5 (Рис. 6:1, 8:5). По мнению Г.Ю. Эггера, подобные изделия являются упрощенными репликами роскошных кельтских котлов типа Гундеструп (EGGERS 1951: 40, 166, табл. 2:5). Т. Бохнак считает котлы с железным краем типичным кельтским импортом на землях Центральной Европы (ВОСНАК 2014: 126–133).

Вторая группа сосудов представлена, в частности, тщательно изготовленным ведерком из погребения 2, близким к ситулам типа E.20 (Рис. 5:1, 8:7), для которых характерны трапециевидные бронзовые петли (EGGERS 1951: 40, 161, табл. 4:20). Впрочем, форма фигурных аташей мутинской ситулы от них несколько отличается. Сосуд с аналогичными петлями происходит, например, из клада в Подмоклах на территории Чехии (ДРОВЕРЖАР 2006: 51, рис. 22:8,9).

Изысканной формой корпуса с изящно отогнутой шейкой и тщательно проработанными деталями

отличается также крупная ситула из погребения 11 (Рис. 7:2, 8:8), не находящая четких соответствий в указанной классификации.

Бронзовые тазы типа E.67 из погребений 3 и 6 (Рис. 5:2,4, 8:4), произведенные, очевидно, как и прочие римские импорты, в Северной Италии, судя по каталогу Г.Ю. Эггера, достаточно распространены на территории *Germania Libera* в позднелатенское и раннеримское время. Исследователем учтено 17 находок, причем отмечается их концентрация на Нижней Эльбе, где такие тазы зачастую использовались в качестве погребальных урн кремационных погребений эльбского круга (EGGERS 1951: 41, табл. 8:67).

Импортные бронзовые ситулы, тазы и котлы, подобные находкам из Мутина, известны и на территории Польши. По данным Т. Домбровской, котел типа E.5 найден в погребении пшеворской культуры фазы А₂ позднего предримского времени, а ведерки E.20–21 и тазы E.67 – в погребениях фазы А₃, что позволяет предположить две волны поступления римской посуды на территорию Барбарикума (DĄBROWSKA 1988: 206–211).

Погребальный обряд и хронология

Погребальный обряд Мутина находит ближайшие соответствия среди таких латенизированных культур северо-западного круга как пшеворская и оксывская. Именно для них характерны урновые кремации, сопровождаемые ритуально погнутым или поломанным оружием (прежде всего наконечниками копий и мечами). По данным П. Лучкевича, отдельные экземпляры и наборы разнообразного оружия зафиксированы примерно в двухстах пшеворских и ста оксывских погребениях предримского времени, причем в качестве урн для пережженных костей импортные бронзовые сосуды использовались в десятке погребений с оружием (Рис. 9) (ŁUCZKIEWICZ 2006; ŁUCZKIEWICZ, TERPILOVSKIJ 2012: 165–166). Так, погребальный набор, включавший меч, копье и щит, весьма типичен для пшеворских захоронений с оружием, составляя в разные периоды от 12 до 19% (ВОСНАК 2005: 142–147). Ножны мечей, украшенные в стиле *opus interrasile*, как и остальные предметы вооружения, находят территориально ближайшие аналогии лишь в верховьях Днестра³.

³ Погребение 3 могильника Грынив (трупосожжение в большом гончарном кувшине) сопровождалось в числе прочих вещей фибулой типа A.67, поломанным мечом с ножнами, наконечником копья, боевыми ножами, умбоном и шпорой

(КОЗАК 1984: 86–87, рис. 37:4–8, 38, 43, 44:3). Д.Н. Козак датировал этот комплекс началом раннеримского периода – 40-ми гг. н.э. (КОЗАК 1984: 37).

Рис. 7. Мутин. 1 – погребение 10; 2 – погребение 11; 3 – погребение 12; 4 – погребение 13 (фото Г.В. Жаров).

Fig. 7. Mutin. 1 – burial no. 10; 2 – burial no. 11; 3 – burial no. 12; 4 – burial no. 13.

Рис. 7. Мутин. 1 – grób 10; 2 – grób 11; 3 – grób 12; 4 – grób 13.

Поскольку каждое из погребений Мутинского могильника сопровождалось многочисленным инвентарем, указанные комплексы сравнительно надежно датированы. Набор оружия и воинского снаряжения в целом характерен для финала предримского времени. Мечи (с ножами), наконечники копий и умбоны находят многочисленные аналогии в погребениях пшеворской и оксывской культур фаз А₂–А₃. Вместе с тем, сочетание указанных выше типов мечей, их ножен,

наконечников копий, умбонов характерно именно для фазы А₃ (ŁUCZKIEWICZ 2006: 151–153). Поздним предримским временем, главным образом фазой А₃, датируются также шпоры подгруппы А по Е. Гинальскому (GINALSKI 1991: 55–56). Интересно отметить, что парные шпоры этого времени на территории Польши встречаются сравнительно редко – в семи пшеворских и четырех оксывских погребениях соответственно (ŁUCZKIEWICZ 2006: 146), в то время как в Мутинском

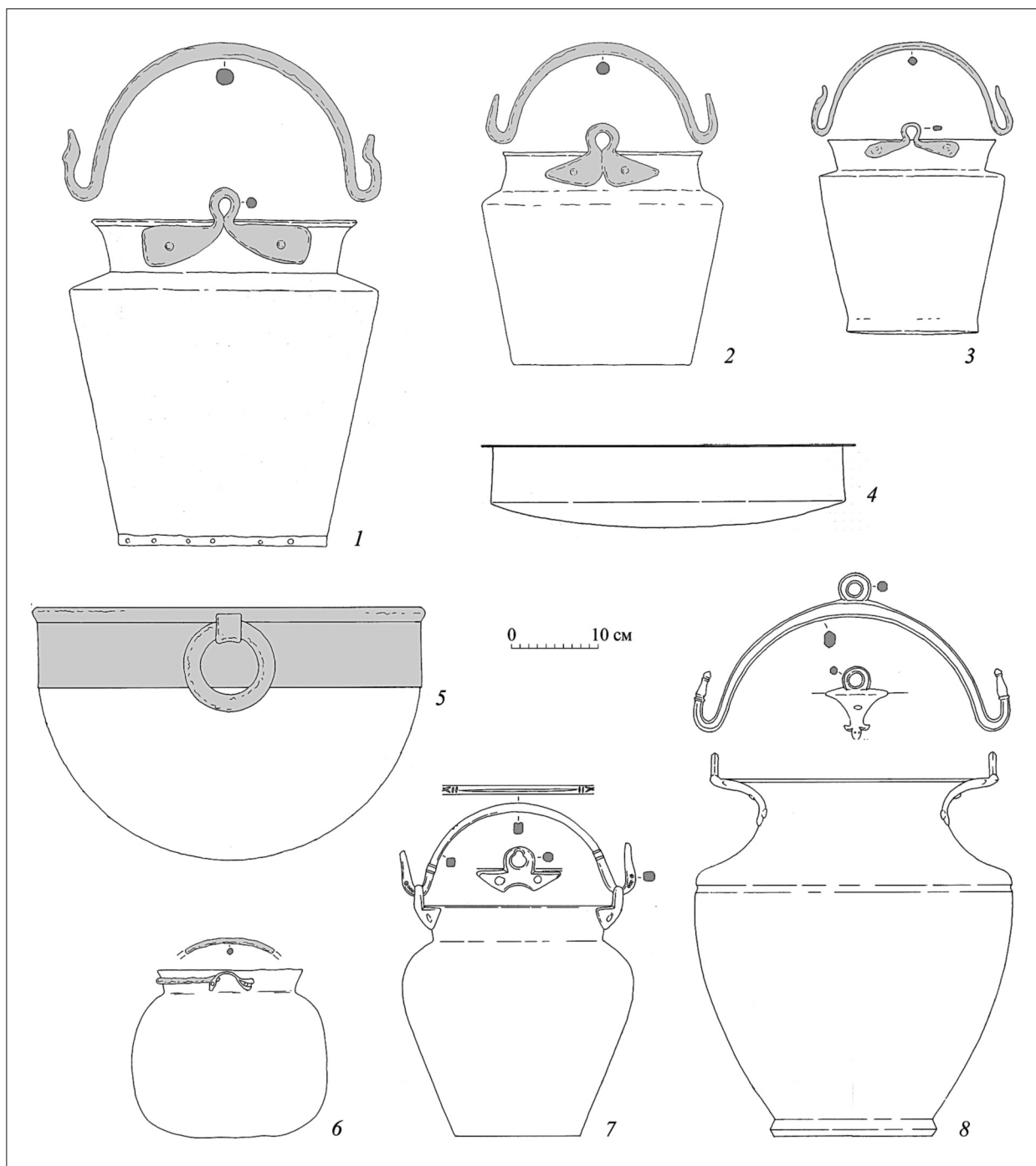

Рис. 8. Мутин. Образцы металлической посуды: 1 – погребение 5; 2 – погребение 13; 3 – погребение 1; 4 – погребение 3; 5 – погребение 7; 6 – погребение 10; 7 – погребение 2; 8 – погребение 11 (рис. Р.В. Терпиловский).

Fig. 8. Mutin. Metal vessels: 1 – burial no. 5; 2 – burial no. 13; 3 – burial no. 1; 4 – burial no. 3; 5 – burial no. 7; 6 – burial no. 10; 7 – burial no. 2; 8 – burial no. 11.

Рис. 8. Мутин. Naczynia metalowe: 1 – grób 5; 2 – grób 13; 3 – grób 1; 4 – grób 3; 5 – grób 7; 6 – grób 10; 7 – grób 2; 8 – grób 11.

могильнике они присутствовали в восьми погребениях. Застежки «с крылышками» типа К.49 по Ю. Костшевскому (KOSTRZEWSKI 1919: рис. 49) и массивные кольца использовались в поясах или портупях для подвешивания мечей от рубежа фаз А₁/А₂ до конца предримского времени (ДАБРОВСКА 1988: 30; ВОСНАК 2005: 57–58).

Наиболее четкими хронологическими индикаторами являются фибулы позднелатенской схемы типа N по Ю. Костшевскому (KOSTRZEWSKI 1919: рис. 24), 13 экземпляров которых происходят из погребений Мутина (Рис. 4:1,2,8–10). Подобные изделия, как и близкие к ним застежки типа М (с верхней тетивой),

распространены в комплексах ряда латенизированных культур позднего предримского периода, главным образом ясторфской, пшеворской и оксывской, в меньшей мере зарубинецкой. Ряд подобных фибул происходит из могильника Долиняны, обычно относимого к поанешти-лукашевской культуре (СМИРНОВА, МЕГЕЙ 2000: рис. 3:22). По мнению Т. Домбровской, фибулы типа N типичны для пшеворской культуры второго горизонта фазы A₃, причем наиболее поздними являются экземпляры значительных размеров и с ажурными ножками (как ряд фибул из Мутина). Этот горизонт датируется предпоследним десятилетием I в. до н.э. – началом второго десятилетия I в. н.э. (DĄBROWSKA 1988: 61–62).

Типологически более ранней является фрагментированная фибула среднелатенской схемы из погребения 7, типичная для фазы A₂. Из того же комплекса происходят два меча с фрагментами ножен типа III по типологии Т. Бохнака и биметаллический котел типа E.5, характерные для фазы A₂ пшеворской культуры (DĄBROWSKA 1988: 29, табл. III). Следует отметить подобие данной застежки так называемым «лангобардским» фибулам, распространенным главным образом в нижнем течении Эльбы (VÖLLING 1995: 172–178). Впрочем, аналогичные застежки встречаются также

в могильнике Долиняны (СМИРНОВА, МЕГЕЙ 2000: рис. 2:4, 3:16, 8:4).

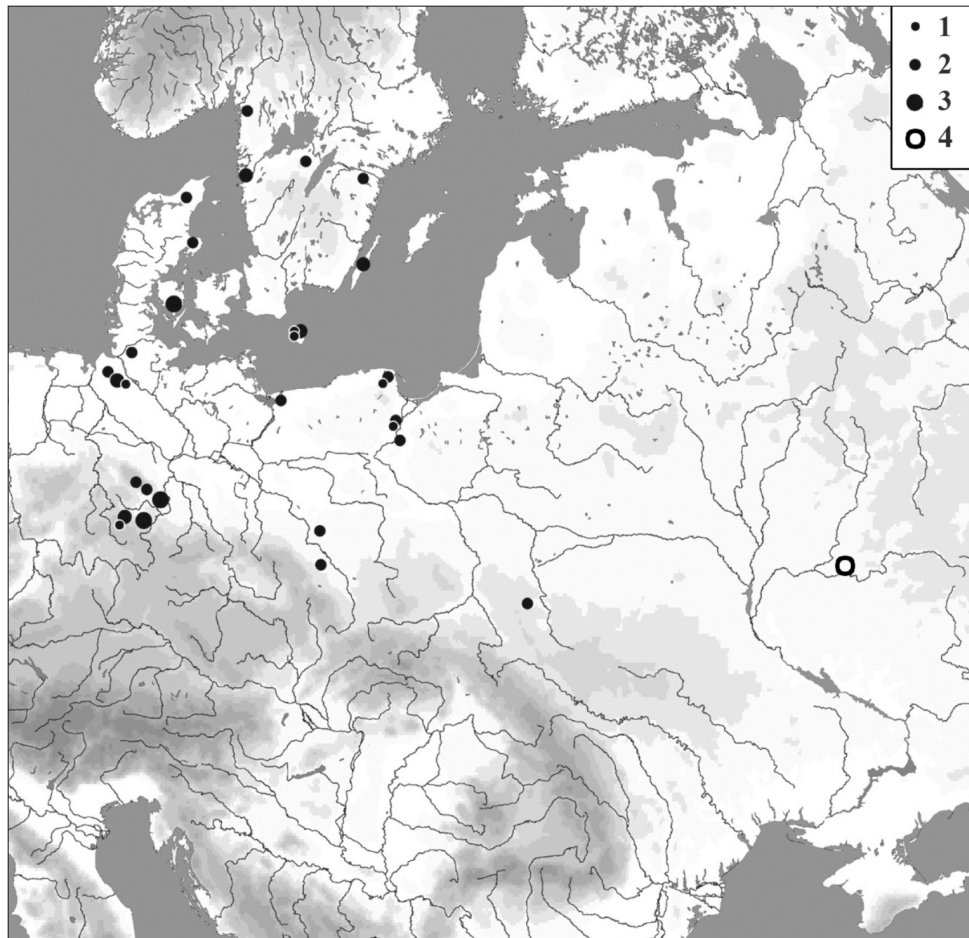
Со второй волной поступления римских импортов, судя по многочисленным находкам фибул типа N, можно связать основную массу металлической посуды из Мутина. Вероятно, погребения Мутинского могильника в целом синхронны в рамках предримского времени фазе A₃ и были совершены в диапазоне от середины I в. до н.э. до начала I в. н.э., тяготея, скорее всего, к рубежу эр.

Вместе с тем, следует однако заметить, что в это время имело место депонирование погребального инвентаря, а входящие в его состав вещи стали частью «мертвой» культуры. Однако, очевидно, до этого ряд предметов использовался довольно долго и интенсивно, о чем, например, свидетельствуют следы починки на ведерках из погребений 1, 4, 5, 8Б, 10, а также сильно сработанные петли ситуды из погребения 2. Таким образом, вполне возможно, что бронзовая утварь из Мутина была произведена несколько раньше узко датированных фибул, около середины I в. до н.э. К этому же времени, возможно, относится и погребение 7, являющееся для Мутина своеобразным реликтом предыдущей эпохи.

Рис. 9. Погребения с оружием в бронзовых сосудах на территории средне-европейского *Barbaricum* в позднем предримском периоде: 1 – одно погребение, 2 – два погребения, 3 – три и более погребений, 4 – Мутинский могильник (по ŁUCZKIEWICZ, TERPILOWSKIJ 2012).

Fig. 9. Burials with weapons in bronze vessels dated to the Late Pre-Roman Period in the Central European *Barbaricum*: 1 – one burial, 2 – two burials, 3 – three or more burials, 4 – Mutin cemetery.

Рис. 9. Pochówki z bronią złożone w naczyniach brązowych na obszarze środkowoeuropejskiego *Barbaricum* w młodszym okresie przedrzymskim: 1 – pojedynczy pochówek, 2 – dwa pochówki, 3 – trzy i więcej pochówków, 4 – cmentarzysko w Mutinie.

Выводы

В отличие от металлических предметов, близкие аналогии керамическим урнам Мутинского могильника среди латенизированных культур нам не известны. Вместе с тем, сходство лощеных мутинских сосудов и столовой керамики западной традиции вышеупомянутых поселений типа Харьевка не вызывает сомнений: их сближают общая форма, пропорции, граненый венчик, орнамент в виде вертикальных расчесов, шишечки, иксовидные ручки.

Как уже отмечалось, бронзовые и парадные керамические сосуды, использованные в качестве урн, а также комплекс оружия и воинского снаряжения, включавший мечи, шлемы, а также в большинстве случаев и шпоры, свидетельствуют о высоком социальном статусе погребенных. Сравнительно небольшое число захоронений с престижным инвентарем и изолированный характер могильника, очевидно, указывают, что здесь упокоены представители военной дружины. На «западное» происхождение дружинников, прибывших на Сейм, в первую очередь, указывает комплекс вооружения, типичный для ряда культур позднелатенского круга. Как известно, им пользовались не только этнические кельты, но и другие носители латенизированных культур, добавляя иногда собственные образцы «национального» клинкового оружия: гето-даки – серповидный меч-сику, германцы – прямой однолезвийный меч-тесак. Однолезвийный меч из погребения 8, типичный для оксывской и, в меньшей степени, пшеворской культуры, позволяет предположить германское происхождение дружины (или, по крайней мере, отдельных ее членов) (ТЕРПИЛОВСКИЙ, ЖАРОВ 2013: 417). В качестве рабочей гипотезы можно предположить появление на Сейме одного из отрядов бастарнов (кельто-германцев?), известных, в частности, по событиям 29 г. до н. э. на Нижнем Дунае.

Очевидно, дружинникам принадлежали и металлические сосуды, использованные затем как урны. Такой дружинный «сервис» для коллективных трапез включал котел, два таза и парадную большую ситулу, а также ряд ведерок.

Парадные керамические сосуды, типичные для памятников типа Харьевка, использованные в погребениях 1, 4, 8А, 9, 12 и 14, могут указывать на включение

мигрантов в структуру местных племен. Это вполне вероятно, что контакты носителей памятников типа Харьевка с населением Центральной Европы имели место со времени возникновения этой культурной группы.

Синхронность совершенных захоронений, возможно, свидетельствует, что дружинники погибли в одной из битв. Вместе с тем, победа, вероятно, осталась за ними – соплеменники похоронили их с соблюдением всех деталей ритуала, не считаясь с расходами, на отдельном могильнике.

Хотя кремации в импортных металлических сосудах, использованных в качестве урн, сопровождаемые оружием, встречаются в пшеворской и оксывской культурах, подобные дружинные некрополи там не известны. Определенной аналогией Мутинскому могильнику могут служить погребения воинов горизонта (или культуры) Гроссромштедт рубежа эр в Средней Германии и Чехии (DROBERJAR 2006). Тем не менее, уникальность Мутина заключается в том, что он является исключительно дружинным могильником финала предримского времени, расположенным, кроме того, на восточной окраине ареала латенизированных культур.

Теперь, когда первичная обработка материалов могильника закончена, на очереди новые задания – антропологическое определение пережженных останков из погребений и реставрация металлических предметов. Несмотря на определенные успехи в решении проблем культурно-хронологического определения материалов Мутинского могильника, нерешенными остаются вопросы – кем были эти «викинги до викингов»? Из какого региона пришли воины дружины, погребенные здесь? С кем они воевали? Какой характер имели их взаимоотношения с носителями памятников типа Харьевка?

Профессор Ростислав Всеволодович Терпиловский
Исторический факультет
Киевский национальный университет
им. Тараса Шевченко
arch@univ.kiev.ua

Геннадий Викторович Жаров
Институт археологии
Национальная академия наук Украины, Чернигов
lae-oasu@yandex.ua

Литература

КАСПАРОВА К.В.

1989 *Соотношение вельбарской и зарубинецкой культур в Припятском Полесье*, (в:) J. Gurba, A. Kokowski (ред.), *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Tom II*, Lublin, 263–282.

КОЗАК Д.Н.

1984 *Пшеворська культура у Верхньому Подністрів'ї і Західному Побужжі*, Київ.

- КУХАРЕНКО Ю.В.
1970 *Погребение у с. Пересытки, „Материалы и исследования по археологии СССР” 176, 33–35.*
- ОБЛОМСКИЙ А.М., ТЕРПИЛОВСКИЙ Р.В.
1994а *О связях населения Центральной Европы и востока Днепровского Левобережья в латенское и раннеримское время, (в:) J. Gurba, A. Kokowski (ред.), Kultura przeworska. Materiały z konferencji, Kultura Przeworska I, Lublin, 159–181.*
1994б *Посейм'я у латенський час, „Археологія” 1994/3, 41–51.*
- СМИРНОВА Г.И., МЕГЕЙ В.Ф.
2000 *Могильник типа Поянеишь-Лукашевка у с. Долиняны (раскопки 1985, 1987, 1988 гг.), „Stratum plus” 2000/4: Время великих миграций, 156–171.*
- ТЕРПИЛОВСКИЙ Р.В., БИЛИНСКАЯ Л.И.
2010 *Трупосожжение знатного воина рубежа эр на Сейме, (в:) О. Шеглова, М. Казанский, В. Новаковский (ред.), Германия – Сарматия II, Калининград – Курск, 45–55.*
- ТЕРПИЛОВСКИЙ Р.В., ЖАРОВ Г.В.
2013 *Металлические сосуды Мутинского могильника на Сейме, „Stratum plus” 2013/4: В поисках Ойума. «Пути народов», 35–41.*
2014а *Мутинський могильник, (в:) І. Тимець, Т. Молочко, Н. Стахур (ред.), Культурні і поховальні пам'ятки у Вісло-Дніпровському регіоні: проблеми інтерпретації, Наукові студії 7, Львів – Винники, 159–172.*
2014б *Проблеми дослідження пам'яток типу Харівка, (в:) Г.Ю. Івакін (ред.), Від Венедів до Русі. Збірник наукових праць на пошану доктора історичних наук, професора Дениса Никодимовича Козака з нагоди його 70-ліття, Київ, 45–60.*
- ЩУКИН М.Б.
1994 *На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э., Санкт-Петербург.*
2005 *Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура, Санкт-Петербург.*
- ВОСНАК Т.
2005 *Uzbrojenie ludności kultury przeworskiej w młodszym okresie przedrzymskim, Rzeszów.*
2014 *Importy celtyckie w kulturze przeworskiej i oksywskiej na ziemiach polskich w młodszym okresie przedrzymskim. Zróżnicowanie – drogi napływu – kontekst kulturowy, Rzeszów.*
- ДАБРОВСКА Т.
1988 *Wczesne fazy kultury przeworskiej. Chronologia – zasięg – powiązania, Warszawa.*
- ДРОБЕРЖАР Е.
2006 *Plaňanská skupina grossmstedtské kultury. K chronologii germánských nálezů a lokalit v Čechách na sklonku doby laténské a v počátcích doby římské, (в:) E. Droberjar, M. Lutovský (ред.), Archeologie Barbarů 2005. Sborník příspěvků z I. protohistorické konference „Pozdně keltské, germánské a časně slovanské osídlení”, Kounice, 20.–22. září 2005, Praha, 11–90.*
- EGGERS H.J.
1951 *Der römische Import im freien Germanien, Atlas der Urgeschichte 1, Hamburg.*
- ГИНАЛЬСКИ Я.
1991 *Ostrogi kabłąkowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna, „Przegląd Archeologiczny” 38, 53–84.*
- ЖАВДЗЕВСКА М.
1994 *Ciekawsze zespoły grobowe ze śladami wpływów celtyckich na cmentarzysku kultury przeworskiej w Siemiechowie, woj. sieradzkie, (в:) J. Gurba, A. Kokowski (ред.), Kultura przeworska. Materiały z konferencji, Kultura Przeworska I, Lublin, 107–126.*
- КОСТРЗЕВСКИ Я.
1919 *Die ostgermanische Kultur der Spätlatènezeit, Mannus-Bibliothek 18–19, Leipzig – Würzburg.*
- ЛУЧКІЕВИЧ Р.
2006 *Uzbrojenie ludności ziem Polski w młodszym okresie przedrzymskim, Archaeologia Militaria II, Lublin.*

ŁUCZKIEWICZ P., TERPILOVSKIJ R.

- 2012 *Grób wojownika z młodszego okresu przedrzymskiego z miejscowości Mutyn na północno-wschodniej Ukrainie*, „Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego” XXXIII, 155–174.

MIHALJEVIĆ M., DIZDAR M.

- 2007 *Late La Tène Bronze Helmet from the River Sava near Stara Gradiška*, „Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu” XL/1, 117–146.

SZCZUKIN M.B.

- 1981 *Zabytki wielbarskie a kultura czarniachowska*, (в:) Т. Malinowski (ред.), *Problemy kultury wielbarskiej*, Słupsk, 135–161.

TERPILOVSKIY R., ZHAROV G.

- 2013 *A Warrior Cemetery from the Turn of the Eras on the River Seym*, (в:) I. Khrapunov, F.-A. Stylegar (ред.), *Inter ambo maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*, Kristiansand – Simferopol, 409–419.

VÖLLING TH.

- 1995 *Studien zu Fibelformen der jüngeren vorrömischen Eisenzeit und ältesten römischen Kaiserzeit*, „Bericht der Römisch-Germanischen Kommission” 75 (1994), 147–282.

ROSTISLAV TERPILOVSKIY, GENNADIY ZHAROV

WARRIOR CEMETERY FROM THE LATE PRE-ROMAN PERIOD ON THE RIVER SEYM

Introduction

This paper deals with a cemetery from the turn of the eras located near the modern village of Mutin, the Krolevets district of the Sumy region¹ (Fig. 1). The site was investigated in the spring of 2010 by the Left-Bank Expedition of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine². Excavations became possible after Aleksandr Lebed's accidental discovery of a cremation burial in late 2009 (ТЕРПИЛОВСКИЙ, БИЛИНСКАЯ 2010; ŁUCZKIEWICZ, TERPILOVSKIJ 2012).

This compact cemetery is located in a tree-covered area on the edge of the right side of the Seym River. There, the main riverside forms a number of promontories divided by deep ravines. On one of the promontories, there is a fortified settlement separated from the mainland by a high steep rampart. Trial trenches performed within the settlement area yielded artefacts from the Scythian Period and

the Romny Culture. The cemetery is located below the settlement, on the upper part of the steep slope, about 20 m above the flood-plain, mostly within a small platform (Fig. 2).

Apart from the above-mentioned burial no. 1 (from 2009), our excavations have discovered 13 cremation burials (including one twin and one destroyed) within the area of 360 square metres. Thus, the cemetery consisted of 15 burials in total. Some more were possibly destroyed about fifty years ago when the trees were planted there. However, finds outside from the assemblages were almost absent, so there could have hardly been more than one or two destroyed burials (TERPILOVSKIY, ZHAROV 2013; ТЕРПИЛОВСКИЙ, ЖАРОВ 2014а; 2014б).

Most likely, the cemetery of Mutin belongs to a specific cultural group in the middle Seym River labelled as the 'Khar'yevka'³ type of sites' by Andrey Oblomskiy and Rostislav Terpilovskiy in the early 1990s. The excavations at settlements of Krasnoye 4, Chaplishchi 3, Peresycki 1,

¹ *Мутин, Кролевецький район, Сумська область.*

² Ukrainian: *Лівобережна експедиція Інституту археології НАН України*; the name derives from the fact that the expedition

operates on the left bank of the Dnieper River (editorial note).

³ Ukrainian/Russian: *Харівка/Харьевка, Путивльський район.*

and Litvinovichi 3 showed that these sites were distinct from the background of the Zarubintsy Culture. As the easternmost local variants of this culture, the sites of the Khar'yevka type still include the most numerous and outstanding western elements. This way, the ceramic complex branches into two main groups of different origin. Some forms of kitchen and table ware are typical of the Zarubintsy Culture, especially its middle Dnieper variant. Particularly interesting are the vessels of the second group, whose origin is related to the Central European circle, especially the Przeworsk and Jastorf cultures (ОБЛОМСКИЙ, ТЕРПИЛОВСКИЙ 1994а: 159–162, figs. 1–9; 1994б).

It is worth noting that until recently, the cemeteries of the Khar'yevka type were not known, with the exception of the single burial found at the village of Peresycki, not far from Putyvl'. It was accidentally discovered in 1936 on the right bank of the Seym River, and was published by Yu.V. Kuharenko (КУХАРЕНКО 1970). The grave inventory included a small vase-shaped clay urn with burnt bones, a buckle, and a knife. As analogies for the urn, the researcher cited a series of finds belonging to the Przeworsk, Oksywie, and Jastorf cultures dated to the Late Pre-Roman Period, admitting, however, that similar vessels appeared also in later periods. Eventually, trying to narrow the range of research, Yu.V. Zharov identified this burial as the Brest-Trishin type and dated it to the end of the 1st and to the 2nd c. AD (КУХАРЕНКО 1970: 34). M.B. Shchukin agreed with him but attributed this burial to the Wielbark Culture and established its chronology to the stage B₂/C_{1a} of the Roman Period (SZCZUKIN 1981: 136), persisting in this opinion also later (ЩУКИН 1994: 247; 2005: 105–106). He was supported by K.V. Kasparova, who cited a number of parallels to the Peresycki vessel's shape and the type of its decoration (КАСПАРОВА 1989: 278–280) – however these parallels were not quite close, admittedly. After conducting research in the above mentioned settlements of the Khar'yevka type, it became obvious that the burial from Peresycki belongs to the same group of finds (ОБЛОМСКИЙ, ТЕРПИЛОВСКИЙ 1994б: 49). A new evidence supporting this view was the discovery, made in 2009, of the urn from the burial no. 1 in Mutin, similar to the vessel from Peresycki in both its shape and ornamentation (ТЕРПИЛОВСКИЙ, БИЛИНСКАЯ 2010: 51–53).

The cemetery of Mutin is a unique site in several respects both for Central and Eastern European contexts. All the burials – urn cremations – obviously belonged to professional warriors of high rank.

Armaments

Especially interesting is the twin burial no. 8, which possibly belonged to 'brothers-in-arms', with two accumulations of cremated bones (Figs. 3, 4, 6:3). It consisted of a ceramic urn and a bronze bucket standing close to each other and covered with two shield bosses. Burial no. 8A was accompanied with two spearheads, double-edged

and single-edged swords, helmet of the Late La Tène type, a battle knife, a pair of spurs, and two fibulae. In burial no. 8B (within situla) there were fragments of a scabbard for a single-edged sword, a knife, two spurs, and three fibulae.

Every burial was accompanied by a representative set of weapons, as a rule with a bent sword and spearhead, as well as a shield boss (or a fragment of it). As it has been mentioned above, a small urn in burial no. 8B did not contain sword and spear, though in the neighbouring burial no. 8A there were two swords and two spearheads. Two swords and two spearheads were also uncovered in burial no. 7. The burials nos. 4 and 13 each contained four spearheads of different type.

All the categories of weapons find more or less close analogies in the materials of the Przeworsk and Oksywie cultures, where many weapons have been discovered and later analysed in a generalising monographs by our Polish colleagues (cf. BOCHNAK 2005; ŁUCZKIEWICZ 2006). Some of the finds from Mutin have analogies in more distant lands in Western Europe, Scandinavia, and the Danube basin.

This way, the burials of Mutin contained 21 spearheads. All the spears were folded in half except for two small specimens. The main bulk of the spearheads have a typical relatively long and narrow blade, widest at the low longitudinal stiffening rib, more or less pronounced, and a short socket (Fig. 3:5,6). Their overall length is within 41.5–57.5 cm. Most spears belong to Piotr Łuczkiwicz's types F and L (ŁUCZKIEWICZ 2006: 113–118, 121–126, figs. 36, 37, 41, 42) or Tomasz Bochnak's types 3 and 6–7 (BOCHNAK 2005: 76–77, pls. XXII, XXIII, XXV). There are also single finds of small spearheads 18–20 cm long, including artefacts with a loop on a low blade (burial no. 10), asymmetrical blade (burial no. 3; Fig. 5:2), and double-barbed spears with long sockets (burial no. 4 and probably no. 13). The asymmetrical spear blade from the burial no. 3 is ornamented with etched hexagons.

All the swords are deformed, folded several times together with scabbards to form flat zigzags or spirals (Figs. 5:2, 7:3). The only single-edged sword from burial no. 8A is 82.5 cm long, with the blade 5.2 cm wide at the top, and a handle with side holes to rivet appliquéés (Fig. 3:4). The preserved iron parts suggest that its scabbard consisted of two wooden panels fastened with cross-wise C-shaped clamps, partly with fine rings for hanging, and a flattened chape (Fig. 3:18–20). The form of the handle makes this artefact comparable with single-edged swords of type W.IIIB in the Oksywie and Przeworsk cultures (ŁUCZKIEWICZ 2006: 71–74, fig. 21) or type F (BOCHNAK 2005: 65, pl. XIX).

All other swords (14 specimens) are long double-edged, of the La Tène type, with aslant shoulders, slightly tapering and rounded tip, and a little bit different size, proportion, and cross-section of the blade (Fig. 3:3). Most of them belong to Łuczkiwicz's type III4 and possibly III5

(ŁUCZKIEWICZ 2006: 39–41, figs. 8, 9) or Bochnak's types 2–5 (BOCHNAK 2005: 25, pls. II–V). Their overall length is 90.5–100.5 cm, with the handle 15–21.5 cm long and the blade 3.4–6 cm wide at the top. In most cases, there are preserved ball-shaped pommels, bell-shaped (bulbous) guards, and fragments of scabbards in the form of thin iron badges, loops, openwork clamps, and chapes. Extremely interesting are the finds of several scabbards decorated in *opus interrasile* style imitation: there is a honeycomb decoration on the top of the scabbard from burial no. 3 and a network design on the top of the scabbard from burial no. 8A (Fig. 3:3). The Mutin scabbards generally belong to Łuczkiwicz's types 5 and 6 (ŁUCZKIEWICZ 2006: 62–65, fig. 17) or Bochnak's types VII and VIII (BOCHNAK 2005: 40, pl. XIV).

Shield bosses or their fragments were discovered in each burial, usually at the top of the urn, with their domes up (Figs. 5:2,3, 6:3). Some artefacts are heavily-deformed and poorly-preserved. The burials nos. 10–12 contained several badges or rivets, supplemented with a fragment of a flange in burial no. 9, obviously following the pars pro toto principle. Shield bosses' domes have short cylindrical bases and longer slightly rounded conical tops, sometimes with pronounced apex (Figs. 3:2, 4:7); those of the finds from the burials nos. 1 and 3 terminate with a short spike (Fig. 5:2). As a rule, such a boss was riveted to the shield with six or rarely eight large (up to 6 cm in diameter) rivets. The number of smaller badges (less than 2 cm in diameter) amounted to 12. Burial no. 3 contained spiked shield boss with 12 rivets and a shield handle with figural ends. The main bulk of shield bosses from Mutin probably belonged to the types 7, 10, and 11 from Bochnak's classification of the Przeworsk shield bosses (BOCHNAK 2005: 107–108, fig. 35, pls. XXXIV–XXXVI). At the same time, according to T. Bochnak (pers. comm.), some of the shield bosses find parallels among the materials from Norway⁴.

In most cases, the set of weapons was supplemented with spurs and battle knives. Spurs of the same type (18 specimens) with long spikes and large convex buttons on the ends of the yokes belong to Jerzy Ginalska's Sub-group A (GINALSKI 1991: 55–56). Usually they formed pairs (Fig. 4:3,4,11,12). Battle knives are up to 17 cm long, as a rule with narrow grooves along the back on either side of the blade, a rivet, and a profiled socket for a wooden shaft (Fig. 4:6,16). Their scabbards had figural chapes of thin iron, as discovered in the burials nos. 4, 5, 8A, and 12 (Fig. 4:5). Three larger tips of scabbards of knives or spears were found in burial no. 13. Other iron ware includes numerous

spear-butts, parts of waist or shoulder belts (rings and clasps), and Late La Tène fibulae. The exceptions are bronze ring and belt-clasp, as well as two iron razors with curved blades (burials nos. 2 and 6) and a Middle La Tène brooch from burial no. 7.

Iron helmets from the burials nos. 4, 5, 8A, 12, and 13 are unique for both Eastern and Central Europe. In the burials nos. 8A and 12, the helmets played a role of urns fitted into ceramic vessels (Figs. 3:1, 6:4, 7:3). Every helmet consists of three elements: a hemispherical bowl, a front (with or without peak), and a neck-guard, as well as cheek-pieces hinged to the front side. There were loops for a chin-strap on the inner side of the cheek-pieces and neck-guards. The cheek-pieces and neck-guards from the burials nos. 12 and 13 are decorated with a convex ornament. These helmets generally belong to the late Eastern Celtic type of Novo Mesto, which is prevalent mainly in the Danube (MIHALJEVIĆ, DIZDAR 2007: 123–128), although they differ in a number of details. It is also necessary to recall the only La Tène helmet found in the territory of Poland, in the burial no. 25 from the cemetery in Siemiechów (JAŻDŻEWSKA 1994: 108–110).

Metal vessels

Prestige of the burials is underlined by various vessels used as urns. The burials nos. 9, 12, and 14 contained remains placed in black-burnished ceramic vessels similar to the finds in Khar'yevka type of sites (Figs. 3:8, 6:2–4, 7:3). In the burials nos. 1 and 4, there were extra metal vessels put in ceramic vases. These metal vessels acted as urns in 11 burials: eight situlae of various forms (burials nos. 1, 2, 4, 5, 8B, 10, 11, and 13), two low basins (burials nos. 3 and 6), and a cauldron (burial no. 7) (Figs. 5–8).

The lack of direct parallels for the mentioned vessels in Eastern Europe forces one to search for analogies in Eggers' classical study of the Late La Tène and Roman imports in *Germania Libera* (EGGERS 1951). Actually, it provides matching parallels for the majority of our finds. It might be supposed that the sets of metal vessels in Mutin can be divided into two groups of different origin. Celtic artisans probably made the majority of the bronze situlae with iron loops and handles, and a bronze cauldron with iron rim and two ring handles. Roman workshops, in turn, probably produced two elegant bronze situlae with bronze attachments and handles, as well as bronze basins with convex bottoms (ТЕРПИЛОВСКИЙ, ЖАРОВ 2013).

⁴ I take this opportunity to offer my sincere thanks to K. Czarnecka (Warszawa), T. Bochnak (Rzeszów), and P. Łuczkiwicz (Lublin) for their help in compiling the parallels.

The first group probably includes four situlae (type E.22, cf. EGGERS 1951: 161, pl. 4:22) of various sizes from the burials nos. 1, 4, 5, and 13. All of rough workmanship, carinated body, iron handles, and loops (Figs. 5:4, 7:1,4, 8:1–3). A special place among them belongs to a deformed situla from burial 4 with vertical holes for rivets to fasten loops instead of their usual horizontal arrangement. Two more buckets of ‘barbarian’ workmanship from the burials nos. 8B and 10 lack exact analogies in the mentioned catalogue (Figs. 4:15, 7:1, 8:6). Some of these vessels were intensively used over a long period of time, as it was suggested by traces of repair on finds from the burials nos. 1, 4, 5, 8B, and 10 (Figs. 4:15, 8:6).

The same group probably includes a bi-metallic cauldron of type E.5 (Figs. 6:1, 8:5). According to Eggers, such artefacts are simplified replicas of luxury Celtic cauldrons of the Gundestrup type (EGGERS 1951: 40, 166, pl. 2:5). T. Bochnak, however, considers the findings of such vessels in Central Europe as typical western Celtic imports (BOCHNAK 2014: 126–133).

The second group of vessels is represented particularly by a thoroughly-wrought bucket from burial no. 2 (Figs. 5:1, 8:7), close to the situlae of type E.20, with typical trapezoid bronze loops (EGGERS 1951: 40, 161, pl. 4:20). However, the shape of the handle attachments of the Mutin situla is a little different. For example, there is a vessel with similar loops from a hoard in Podmokly in the modern Czech Republic (DROBERJAR 2006: 51, fig. 22:8,9).

Large situla from burial no. 11 has a body of a noble form, with gently curved neck and carefully-elaborated details (Figs. 7:2, 8:8), although it lacks exact parallels in the mentioned classification.

According to the Eggers’ catalogue, bronze basins of type E.67 from the burials nos. 3 and 6 (Figs. 5:2,4, 8:4), probably manufactured in northern Italy, similarly to other Roman imports, were widespread in *Germania Libera* in the Late La Tène and Early Roman periods. Eggers listed 17 finds, concentrated in the lower Elbe area, where such basins were often used as grave urns in cremation burials of the Elbian Circle (EGGERS 1951: 41, pl. 8:67).

Imported bronze situlae, basins, and cauldrons, similar to the finds from Mutin, were also found in Poland. According to Teresa Dąbrowska, cauldrons of type E.5 occur in the Przeworsk Culture graves dated to the phase A₂ of the Late Pre-Roman Period, and the buckets E.20–

–21 and basins E.67 – in graves from the phase A₃, suggesting that two waves of Roman vessels penetrated into the Barbaricum (DĄBROWSKA 1988: 206–211).

Burial rite and chronology

The burial rite in Mutin has closest parallels in such cultural formations of the north-western circle under La Tène influence as the Przeworsk and Oksywie cultures. Typical for them are cremations in urns accompanied by ritually folded or broken weapons (especially spearheads and swords). According to Łuczkiwicz’s calculations, isolated finds and sets of various weapons are documented in about two hundred Przeworsk and one hundred Oksywie burials from the Late Pre-Roman Period, with imported bronze vessels used as urns for cremations in ten weapon burials (Fig. 9) (ŁUCZKIEWICZ 2006; ŁUCZKIEWICZ, TERPILOVSKIJ 2012: 165–166). This way, a set of funeral equipment including sword, spear, and shield is quite typical of the Przeworsk weapon graves, reaching 12 to 19% in different periods (BOCHNAK 2005: 142–147). Geographically the closest analogies to the sword scabbards in *opus interrasile* style and other weapons are located as far as the upper Dniester area⁵. In this context, one should remember the above mentioned burial no. 25 from the cemetery of Siemieczów, with the La Tène helmet used as an urn.

Since each burial in the cemetery of Mutin was furnished with numerous goods, these assemblages can be reliably dated. For example, the set of weapons and warrior’s equipment is generally typical for the end of the Late Pre-Roman Period. Swords (with scabbards), spearheads, and shield bosses find numerous analogies in the Przeworsk and Oksywie burials from the phases A₂–A₃. Moreover, the combination of the above-listed types of swords, their scabbards, spearheads, and shield bosses is typical of Phase A₃ (Łuczkiwicz 2006: 151–153). Ginalska’s Sub-group A of spurs also dates back to the Late Pre-Roman Period, mostly to Phase A₃ (GINALSKI 1991: 55–56). It is interesting to note that pairs of spurs are relatively rare finds in Poland: they appeared in seven graves of the Przeworsk and four of the Oksywie Culture respectively (ŁUCZKIEWICZ 2006: 146). Conversely, they were discovered in eight burials in the cemetery of Mutin. The ‘winged’ clasps of Józef Kostrzewski’s type K.49 (KOSTRZEWSKI 1919: fig. 49) and solid rings were used in belts and baldrics for swords from the turn of the phases A₁ and A₂ to the end

⁵ The burial no. 3 of the Hryniv cemetery (cremation burial in a large pottery jug) was accompanied by a brooch of the A.67 type, a broken sword with a scabbard, a spearhead, battle-knives, a shield boss, and a spur, among other goods (КОЗАК 1984:

86–87, figs. 37:4–8, 38, 43, and 44:3). D.N. Kozak dated this grave to the beginning of the Early Roman Period, i.e. to the fifth decade of the 1st c. AD (КОЗАК 1984: 37).

of the Late Pre-Roman Period (DĄBROWSKA 1988: 30; БОЧНАК 2005: 57–58).

The Late La Tène fibulae of Kostrzewski's type N provide the most distinctive chronological indicator (KOSTRZEWSKI 1919: fig. 24). The burials of Mutin contained 13 artefacts of the kind (Fig. 4:1,2,8–10). Such artefacts, as well as similar brooches of type M (with upper cord), occurred in the Late Pre-Roman Iron Age assemblages under the La Tène influence, mostly of the Jastorf, Przeworsk, and Oksywie cultures, less so in the Zarubinty Culture. There are similar fibulae from the cemetery of Dolinyany, which is usually related to the Poienești-Lucașeuca Culture (СМИРНОВА, МЕГЕЙ 2000: fig. 3:22). In Dąbrowska's opinion, fibulae of type N are typical of the Przeworsk Culture during the second horizon of Phase A₃, and the latest are big artefacts with openwork foot-plate (like some fibulae from Mutin). This horizon dates from the 20s BC to the early 20s AD (DĄBROWSKA 1988: 61–62).

Typologically earlier is the fragmented fibula of Middle La Tène construction from burial no. 7: it is characteristic of Phase A₂. The same assemblage contained two swords with fragments of scabbards of Bochnak's type III and a bi-metallic cauldron of the type E.5, which are characteristic of Phase A₂ of the Przeworsk Culture (DĄBROWSKA 1988: 29, pl. III). It should be noted that this brooch is similar to the so-called 'Langobard' fibulae, which are distributed mainly in the lower Elbe (VÖLLING 1995: 172–178). Similar brooches, however, are also found in the Dolinyany cemetery, in western Ukraine (СМИРНОВА, МЕГЕЙ 2000: figs. 2:4, 3:16, 8:4).

The main bulk of metal vessels in Mutin were related to the second wave of Roman imports, as suggested by numerous finds of fibulae of type N. Perhaps the burials in Mutin cemetery are generally synchronous within the Pre-Roman Period Phase A₃: they were made in the period from the mid-1st c. BC to the early 1st c. AD, most likely at the turn of the eras.

It is worth noting that it was the time when the grave goods were deposited thus rendering these artefacts a part of the 'dead' culture. However, several items were intensively used for years before that, as indicated, for example, by the traces of repair on buckets from the burials nos. 1, 4, 5, 8B, and 10, or the heavily-worn loops of the situla from burial no. 2. Therefore, the bronze ware from Mutin was quite possibly made a little earlier than the narrowly-dated fibulae, about the mid-1st c. BC. Burial no. 7 probably dates back to the same period, thus forming a kind of relic from the previous period in Mutin.

Conclusions

In contrast to metal artefacts, no close analogies to ceramic urns from the cemetery of Mutin could be identified among the cultures under the La Tène influence. Nevertheless, the similarity of polished vessels from Mutin

and the tableware of the western tradition in the above-mentioned settlements of the Khar'yevka type in the basin of the Seym River is beyond question: they share a common form, proportions, faceted rims, decorations (with vertical combing), bosses, and X-shaped handles.

We have already mentioned that the bronze and ceremonial ceramic vessels used as urns and the set of military equipment with swords, helmets, and in most cases also spurs, evidence high status of the buried persons. The relatively small number of burials with prestigious goods and the isolation of the cemetery obviously indicate that warriors (of 'princely' retinue) were buried there. The western origin of the warriors who came to the Seym area is indicated primarily by the set of weapons typical of cultures of the Late La Tène circle. It is known that such arms were used by ethnic Celts and other tribes under the La Tène influence, adding their own tribal or 'national' bladed weapons, like the Geto-Dacian sickle-shaped sica sword or the Germanic straight single-edged broadsword. Single-edged sword from burial no. 8, typical of the Oksywie and, to a lesser extent, Przeworsk Culture allows us to suppose the Germanic origin of this retinue, or at least some of its members (ТЕРПИЛОВСКИЙ, ЖАРОВ 2013: 417). As a working hypothesis, it may be assumed that one of the Bastarnae detachments (Celtic-Germanic?) appeared at the River Seym, known, in particular, from the events that took place on the Lower Danube in 29 BC.

Obviously, these warriors possessed metal vessels, later used as urns. Such warrior's 'set of vessels' for collective feasts included a cauldron, two basins, a big ceremonial situla, as well as several buckets.

Ceremonial ceramic vessels from the burials nos. 1, 4, 8A, 9, 12, and 14, also typical of the sites of the Khar'yevka type, could indicate the inclusion of the migrants into the structure of the local tribes. It is quite probable, because the people from the Khar'yevka type of sites established contacts with the Central European populations from the very beginning.

The synchronism of the graves should possibly be considered evidence that these warriors were killed in a single battle. At the same time, they probably triumphed: their tribesmen buried them following all the details of the ritual and in a dedicated cemetery.

Although cremations in urns made of imported metal vessels, accompanied by weapons, were practiced in the Przeworsk and Oksywie cultures, similar cemeteries of warriors were not known there. A kind of analogy for Mutin cemetery could be weapon graves from the horizon (or culture) of Grossromstedt in Middle Germany and the Czech Republic (DROBERJAR 2006). Nevertheless, the cemetery of Mutin is unique because it consists entirely of warriors' burials from the final stage of the Late Pre-Roman Period and, in addition, it was located on the eastern border of the area occupied by cultures under the La Tène influence.

Now that the primary processing of the finds from this burial ground has been completed, the next tasks will be the anthropological identification of the burnt human remains and the restoration of metal objects. Despite certain successes in solving the problems of the cultural and chronological identification of the finds, there are still unresolved questions: who were those 'Vikings before the Viking age'? Where did they come from, to be buried here? Who did they fight with? What was the character of their relationship with the inhabitants of the Khar'evka type settlements?

Professor Rostislav Vsevolodovich Terpilovskiy
Faculty of History
Taras Shevchenko National University of Kyiv
arch@univ.kiev.ua

Gennadiy Viktorovich Zharov
Institute of Archaeology
National Academy of Sciences of Ukraine, Chernihiv
lae-oasu@yandex.ua

ROSTISLAV TERPILOVSKIJ, GENNADIJ ŽAROV

CMENTARZYSKO WOJOWNIKÓW Z MŁODSZEGO OKRESU PRZEDRZYMSKIEGO NAD RZEKĄ SEJM

Wiosną 2010 r. Lewobrzeźna Ekspedycja Instytutu Archeologii Narodowej Akademii Nauk Ukrainy w Kijowie przeprowadziła badania na cmentarzysku w miejscowości Mutin (*Мутин*) nad rzeką Sejm (północno-wschodnia Ukraina). Wykopaliska stały się możliwe po przypadkowym odkryciu ciepłego grobu przez A. Lebed'a. W trakcie wykopalisk, którymi objęto powierzchnię ok. 360 m², odkryto kolejnych trzynaście grobów ciepłych (w tym jeden podwójny i jeden zniszczony). Mutińska nekropola jest pod pewnymi względami unikalna. We wszystkich tych popielnicowych grobach pochowano najpewniej wysokiej rangi wojowników. W większości przypadków jako urny wykorzystano metalowe naczynia: osiem situl różnych wielkości i kształtów (w tym typów E.20 i E.22), dwie płytkie misy typu E.67 oraz brązowy kocioł z żelaznym brzegiem, typu E.5.

Każdemu pochówkowi towarzyszył reprezentacyjny zestaw uzbrojenia, w tym przeważnie: umbo, zgięty miecz obosieczny i grot włóczni. W niektórych grobach wystąpiły pary mieczy i grotów. Komplet militariów zwykle uzupełniały ostrogi, noże bojowe, toki włóczni, metalowe elementy (kółka i klamry) pasów biodrowych lub noszonych przez ramię, zapinki itp. Unikalne w skali nie tylko Europy Wschodniej, ale i Środkowej, są znalezione w pięciu grobach żelazne hełmy.

Obrządek pogrzebowy zarejestrowany na cmentarzysku w Mutinie znajduje najbliższe analogie wśród zlatenizowanych kultur przeworskiej i oksywskiej. Również zbiór militariów i wyposażenie wojowników z tej nekropoli są charakterystyczne dla obu wspomnianych ugrupowań z młodszego okresu przedrzymskiego. Najlepszymi datownikami są późnolateńskie zapinki typu N (13 okazów), powszechnie występujące w zespołach drugiego horyzontu

fazy A₃ kultury przeworskiej wg ujęcia T. Dąbrowskiej. Horyzont ten datowany jest od przedostatniej dekady I w. p.n.e. po początek drugiej dekady I w. n.e. Typologicznie wcześniejsza jest jedyna odkryta na cmentarzysku zapinka o konstrukcji środkowolateńskiej z grobu 7, typowa dla fazy A₂.

Z kolei ceramiczne popielnice z cmentarzyska w Mutinie znajdują analogie wśród tzw. stołowej ceramiki o „zachodniej” tradycji, znanej ze stanowisk typu Harivka/Har'evka (ukr./ros. *Харівка/Харьевка*) w dorzeczu Sejmu.

Naczynia brązowe i obrzędowe naczynia ceramiczne, użyte jako urny, a także zestawy uzbrojenia świadczą o wysokim statusie społecznym pochowanych tu osób. Stosunkowo niewielka liczba pochówków, prestiżowe wyposażenie grobowe oraz izolowana lokalizacja nekropoli w oczywisty sposób wskazują, iż pochowano tu członków drużyny wojowników. Za zachodnim pochodzeniem owych drużynników, którzy przybyli nad Sejm, przemawia przede wszystkim zbiór militariów typowych dla późnego okresu lateńskiego. Jednosieczny miecz z grobu 8A sugeruje germańskie pochodzenie drużyny (lub przynajmniej niektórych jej członków). Obrzędowe naczynia ceramiczne typu Harivka/Har'evka, odkrywane w grobach, mogą świadczyć o włączeniu migrantów w struktury lokalnych plemion.

Mimo iż groby z bronią są dość powszechne w kulturach przeworskiej i oksywskiej, nie są tam znane podobne nekropole drużynników. Analogią dla cmentarzyska w Mutinie mogą być pochówki wojowników z horyzontu (lub kultury) Grossromstedt z przełomu er, odkrywane w środkowych Niemczech i w Czechach.

Thum. Andrzej Maciałowicz